

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008
УДК 81'373.23 + 81.94 + 811.161.1'373.612 + 811.161.1'282.2(470.11/.12) +
811.161.1'282.2(470.317) + 930.2:81'22

Яна Владимировна Малькова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: yana-malkova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

Индивидуальные прозвища, указывающие на недоброжелательность их носителя, в севернорусских говорах

Аннотация

Статья посвящена изучению индивидуальных прозвищ, указывающих, с точки зрения номинатора, на недоброжелательность их обладателя. Материалом для исследования послужили онимы, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета в Архангельской, Вологодской и Костромской областях. Статья делится на две части — в одной дается семантическая характеристика избранных для анализа прозвищ, во второй — мотивационная. На основе контекстного анализа отмечается, какие черты характера и особенности поведения могут быть положены номинатором в основу имянаращения: это злоба, вспыльчивость, склоность, нелюдимость и пр. В работе также делается акцент на сравнении проприальной и апеллятивной лексики, приводятся некоторые выводы о закреплении тех или иных признаков в этих классах слов. В части статьи, посвященной мотивационному анализу, выделяются две модели, продуктивные только для онимов, — это прозвища, мотивированные наименованиями природных явлений и объектов, и прозвища, мотивированные прецедентными именами и значимыми для народной культуры образами. В рамках «природных» прозвищ особенно продуктивен мотив холодной погоды и сопутствующих ей природных явлений — метели, снега, инея: арх. *Зимá*, *Морóз*, *Кутерьгá*, ср. арх., влг. *кутерьгá* 'пурга, метель'. Вторая рассматриваемая модель включает в себя прозвища, связанные с важными историческими фигурами (ср. влг. *Ивáн Грóзный*, арх. *Кучúм*) и значимыми для народной культуры образами, ср. влг. *Архиерéй*, *Урýдник*, костр. *Монáх*. Предлагаются этимологические решения для непрозрачных прозвищных наименований, таких как влг. *Рямега*, *Вильгём*. Делаются выводы о причинах продуктивности изучаемых мотивационных моделей для прозвищной ономастики.

Ключевые слова

антропонимия; индивидуальные прозвища; мотивационная модель; русские диалекты; Архангельская область; Вологодская область; Костромская область; полевые материалы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Для цитирования

Малькова Я. В. Индивидуальные прозвища, указывающие на недоброжелательность их носителя, в севернорусских говорах // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 186–203. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008

Рукопись поступила в редакцию 25.09.2025

Рукопись принята к печати 12.11.2025

Yana Vladimirovna MALKOVA

PhD, Senior Researcher, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: yana-malkova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

Individual Nicknames Indicating the Spitefulness of Their Bearers in Northern Russian Dialects

Abstract

The article examines individual nicknames that convey the spitefulness of their bearers from the perspective of the nominator. The study is based on onymic material recorded by the Toponymic Expedition of Ural University in the Arkhangelsk, Vologda, and Kostroma regions. The article is structured in two parts. The first part provides a semantic analysis of the selected nicknames, while the second focuses on their motivational characteristics. Drawing on contextual analysis, the study identifies character traits and behavioural features that may serve as a basis for nickname formation, including anger, irascibility, quarrelsomeness, and unsociability. The article also addresses the relationship between proper names and appellative vocabulary, offering conclusions regarding the consolidation of specific semantic features within these lexical classes. The author identifies two patterns as being productive specifically within the domain of onyms: (i) nicknames derived from names of natural phenomena and objects, and (ii) nicknames based on precedent names and culturally salient images. With regard to “natural” nicknames, one of the most productive motivational patterns is associated with cold weather and related phenomena, such as blizzards, snow, and frost (cf. *Zimá* ‘winter’, *Moróz* ‘frost’, *Kuter’gá* ‘blizzard, snowstorm’). The second pattern comprises nicknames derived from the names of historically significant figures (cf. *Iván Grózny* ‘Ivan the Terrible’, *Kuchúm* ‘Tatar khan of Siberia’) as well as from culturally significant images (cf. *Arkhierý* ‘bishop’, *Uryádnik* ‘sergeant’, *Monákh* ‘monk’). The author also proposes etymological interpretations of some opaque nicknames such as *Ryámega* and *Vil’gém* attested in the Vologda region. The article concludes by discussing the factors underlying the productivity of the identified motivational patterns in nicknaming practices.

Keywords

Russian dialects; anthroponymy; individual nicknames; motivational pattern; Arkhangelsk Region; Vologda Region; Kostroma Region; field linguistics

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation

Malkova, Ya. V. (2026). Individual Nicknames Indicating the Spitefulness of Their Bearers in Northern Russian Dialects. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 186–203. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008

Received on 25 September 2025

Accepted on 12 November 2025

Предварительные замечания

Известно, что в нарицательной лексике, описывающей черты личности и поведение человека, полюс пейоративных характеристик разработан подробнее и полнее, чем полюс мелиоративных. Это присуще практически любому языку, и русский не исключение. Русской «негативной» лексике, характеризующей человека, посвящено большое количество работ, в том числе написанных на диалектном материале: изучались наименования ленивых людей [Еремина 2003], людей, склонных к обману [Кучко 2017], склочных [Хелемендик 2007], жадных [Едалина 2016], брезгливых, недоброжелательных, враждебно настроенных [Малькова 2022а], высокомерных [Кузнецова 2015] и мн. др. Вероятно, в проприальной лексике должна проявляться та же закономерность: отрицательные черты характера и особенности поведения обыкновенно находят более последовательное отражение в номинации, чем положительные. Разумеется, речь идет о прозвищной номинации человека. Механизмы такой номинации будут изучаться в настоящей статье — она посвящена «негативным» прозвищам, функционирующим в русской диалектной среде.

Материалом для исследования стали прозвища, которые записывались Топонимической экспедицией Уральского университета на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей на протяжении более чем шести десятилетий (1961–2025); они хранятся в Антропонимической картотеке Топонимической экспедиции [АКТЭ]. Большинство онимов впервые вводится в научный оборот. Антропонимы, извлеченные из [АКТЭ], будут подаваться в статье без паспортизации.

Спектр отрицательных характеристик человека, отраженных в прозвищах, очень обширен¹. Приведем некоторые примеры, реализующие наиболее продуктивные модели:

- ‘болтливый’: костр. *(Петушенька) Бормота́,* *(Стёпа) Бараба́н,* арх. *Ба́ля,* влг. *Саи́шка Баля́са*²;
  - ‘крикливый’: костр. *Глот,* арх. *Воро́на, Гага́ра,* влг. *Колокол;*
  - ‘вспыльчивый’: костр. *Ле́ший Костро́в, Пы́ж,* влг. *Балу́й, Еро́шка, Самова́р,* арх. *(Алёша) Ёрик;*
  - ‘высокомерный’: костр. *Бобо́к, Ба́рыня,* арх. *Баро́н, (Сеня) Граф,* влг. *Митька Ба́рин;*
  - ‘жадный’: костр. *Желе́зка,* арх. *(Ванька) Курку́ль, Ка́мень, Загребáй;*
  - ‘злой’: арх. *Нали́м,* костр. *Душма́н, Майо́р,* влг. *Аку́лец, Ёри;*
  - ‘ленивый’: костр. *Коло́да, Литя́жный*³, влг. *Бобы́ль, Бирю́ля,* арх. *Тю́тя, Тунея́дка;*
  - ‘лживый’: костр. *Козе́л, Свист,* влг. *Барамо́ха*⁴, *Базла́*⁵, арх. *Плут, Пря́лка;*
  - ‘хитрый’: костр. *Афе́ра, (Глаша) Мы́ло,* арх. *Дога́да, Ма́сло,* влг. *(Мишка) Лиса́, Нали́м;*
- и др.

Мы сосредоточимся на прозвищах, указывающих на недоброжелательность их носителя в широком смысле. В поле внимания окажутся онимы, которые отмечают как «константное» негативное отношение их обладателей к окружающим, так и определенные поведенческие проявления, связанные с недоброжелательностью и злостью. В общем массиве прозвищ встречаются не только такие, которые называют постоянные черты личности человека, но и «ситуативно обусловленные прозвища» [Борисова 2024: 159] (ср. арх. *(Саи́шка) Резани́ца*: «Отца да мать зарезал, вот и прозвали»), — таких антропонимов мы касаться не будем.

Аналізу будут подвергаться лишь те прозвища, для которых носитель говора дает сопроводительный контекст, содержащий информацию об определенных личностных свойствах носителя прозвища. Разумеется, контекст может содержать вторичную мотивировку, не соответствующую той номинативной ситуации, которая сопровождала появление прозвища, но ее тоже

¹ Так, Е. О. Борисова, изучавшая костромские антропонимы, указывает, что имена, основанные на какой-либо черте характера и поведении носителя, составляют 18 % от общего числа прозвищ и отличаются разнородностью признаков [Борисова 2025: 240–243].

² Этой группе прозвищ посвящена наша статья [Малькова 2023].

³ Ср. костр. *литя́жный* ‘медлительный, ленивый’ [ЛКТЭ].

⁴ Ср. *барамо́шит* влад. ‘бормотать, лепетать’, новг. ‘шуметь’ [СРНГ 2: 103].

⁵ Ср. влг. *базла́* ‘врун, врунья’, *базли́ть* ‘врать’ [СГРС 1: 42–43].

важно учесть вследствие принципиально вероятностного характера ономастической мотивации. Прозвища, записанные без мотивационных комментариев, не учитываются. Еще одна оговорка: в некоторых случаях нам приходится «отсекать» те контексты, которые содержат информацию о недоброжелательности носителя прозвища, но она явно не носит мотивирующего характера (ср. арх. *Оверья*: «Оверья сердитый был, сейчас дочь его Овериха живёт здесь»; прозвище восходит к личному имени *Аверьян*).

Статья состоит из двух частей. Первая часть, семантическая, будет посвящена контекстному анализу сопроводительных комментариев к выбранным для изучения прозвищам. Основной нашей задачей здесь будет выявление набора негативных характеристик человека, которые закрепляются во внутренней форме прозвищ, приписываются объекту номинации со стороны носителя традиции. Во второй части, мотивационной, будут рассмотрены некоторые мотивационные модели прозвищ, характеризующих недоброжелательных, злых людей.

Семантическая характеристика прозвищ, указывающих на недоброжелательность их носителя

Итак, как уже было сказано, в поле внимания попадает довольно разнородная группа прозвищ, указывающих на недоброжелательность и недоброжелательное поведение. В общем смысле нас будут интересовать любые наименования, связанные с негативным отношением к кому-л.: костр. *Остродым* и *Шиман*: «Два брата было — Остродым и Шиман. Оба нехорошие к людям»⁶; влг. (*Нюра*) *Говнюта*: «Никого не любила она»; и др. Известно, что недоброжелательность выбивается из правил традиционного общежития и потому обращает на себя особое внимание. Прозвища же, поскольку несут функцию не только номинирующую, но (в первую очередь) характеризующую, закономерно закрепляют черты характера и поведения, которые невыгодно отличают их носителей от других членов социума. Такой ярлык дает своего рода «инструкцию» относительно того, какой человек перед собеседником и как с ним следует взаимодействовать. Все прозвища, указывающие на недоброжелательность, можно разделить на две группы: онимы, характеризующие черты личности их носителя, и онимы, отмечающие особенности его поведения.

⁶Прозвище *Остродым* связано с костромским апеллятивом *остродым* ‘тот, кто пакостничает, причиняет вред’, ‘злой, агрессивный человек’ и под. (обо всем спектре значений и происхождении см. статью Е. Л. Березович [2015]), а *Шиман* — с костр. *шйман* ‘человек, который часто делает что-л. исподтишка’ и далее *шйма* ‘нечистая сила, обитающая в доме’ [ЛКТЭ].

Среди номинируемых **черт личности** обращает на себя внимание и преобладает в языковом выражении (18 % от общего рассматриваемого числа онимов) такая характеристика, как **з л о с т ь**: арх. *Тирán*: «Он злой был, то и Тиран»; влг. *Акúлец*: «Скупой и злой был старик»; влг. *Ёрш*: «Там мужика Ершом зовут: он злой». Речь идет о предельно обобщенной характеристике, реализуемой словом *злой*; «спектра», «градации» оценки, которая имеет место в апеллятивной лексике, здесь нет. В частности, когда мы говорим о негативном отношении к окружающим как о свойстве характера, то диалектная лексика дает нам, например, следующие номинации: перм. *недружелюбливый* 'недружелюбный': «Этот старик-то такой недружелюбливый, не принимает, нехороший он к людям» [СРНГ 21: 37]; сарат. *от кого-л. стужей несёт* 'о человеке, неприязненно относящемся к кому-л.': «Пошла я к деверю с докукой, да от него такой стужей несёт, что и закаялась вперед ходить» [СРНГ 42: 77]; ворон. *кара́ка* 'о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми' [СРНГ 13: 70]⁷. По отношению к недоброжелательности злость выступает как интенсив, и в данном случае можно сказать, что прозвища стремятся закрепить более «сильную» характеристику, более яркое проявление качества, в то время как мелкие, единичные проявления негативного отношения могут и не получать номинативного воплощения.

К именам, функционирующим в рамках семантического поля злости, примыкают прозвища, носители которых характеризуются как **с е р д и т ы е**: костр. (*Филя*) *Ворóна*: «Сердитый старик»; влг. *Ёрш*: «Сеня Ёрш был, дак умер, сердитой был, вот и Ёрш»; **у г р ю м ы е**: влг. *Сова́*: «За угрюмый нрав»; **с т р о г и е**, **с е р ь е з н ы е**: арх. *Скоба́*: «Потому что строгая сильно была»⁸; влг. *Волк*: «Ваня Волк — за поглядку <взгляд> ли назвали»; **с у р о в ы е**: костр. *Ку́ричий бог*: «Был ещё дед, его Куричий бог звали — больно суровый был»; и др. Несмотря на то что в мотивировках делаются акценты на раздражительности, строгости, невеселости и пр., кажется возможным рассматривать все эти характеристики в совокупности (это могло бы проявиться в более развернутых контекстах).

Другая черта личности, которая обращает на себя внимание и из-за которой даются многочисленные прозвища (12 % от общего числа рассматриваемых языковых единиц), — **в с п ы л ь ч и в о с т ь**: костр. *Пыж*: «Пыж, потому что взрывной»; *Тритатой*: «Нервный он был, вспылчивый, вот Тритатой и прозвали»; влг. *Балу́й*: «Отчаянный, вспылчивый»; *Ерóшка*: «Горячий, бедовый

⁷ Семантике неприязни, недоброжелательности посвящена глава нашей диссертационной работы [Малькова 2022а].

⁸ Вероятно, связано с перм., дон. *скоба́* 'птица скопа, семейства ястребиных' [СРНГ 38: 37], ср. архангельское прозвище вспылчивого человека *Ястреб*.

мужик»; *Кипятóк*: «Кипяток был, сразу вскипит, вот назвали Кипяток». Это свойство характера имеет поведенческое выражение и ведет к ссоре, конфликтному нарушению социального взаимодействия.

Закономерно, что в семантике большей части анализируемых онимов подчеркиваются особенности **поведения**: диалектному сознанию важно не констатировать абстрактные свойства, а обратить внимание на конкретные проявления недоброжелательности.

Злой нрав прежде всего связывается с желанием его носителя **нанести вред** тому, к кому он испытывает неприязнь. 9 % прозвищ передает именно эту идею в обобщенном виде: костр. *Шимáн*: «Шиман тихо-тихо сделает, а на вред»; влг. *Бедá*: «Мужчина на пакости был горазд, потому и Беда»; (*Сáнко*) *Халу́й*: «Всё назло делал»⁹; арх. *Грóзный*: «Что-то грозное, наверное, сделал». В ряде случаев (10 %) прозвища даются человеку за его **драчливость**: костр. *Козéл*: «Драчливый был, вот и назвали Козлом»; *Лисá* и *Волк*: «Они муж с женой были, её Лиза звали, как напьются, так дерутся, ну, Лиса с Волком»; влг. *Ми́ша Ёриш*: «Драться любил»; арх. *Ми́ша Зажóга*: «Где драка, там и он, зажигал всех»; *Козырёнок*: «Козырёнок прозвище мужику, ходил козырем, наверное, драться он любил».

Отдельно можно выделить особенности **речевого поведения**, приписываемые носителям прозвищ. Закономерно подчеркивается **склочность** носителей прозвищ (13 % языковых единиц): костр. *Ту́зик* и *Да́мка*: «Муж её Тузик, а она Дамка. Всё раньше ругались, собачились»; *Жи́гало*: «Мою свекровку называли Жигало, когда бригадиркой она была. Так обругает человека, как обожжёт»¹⁰; арх. *Коля Ша́вка*: «Часто шумит, ругается»; влг. *Воро́на*: «Нос острый, да личико такое сухое, да всё ругалась»; *Жу́чка*: «Они всё время лаются, ругаются, как собаки тебя облают». Другое «речевое» качество, связанное со злобой и недоброжелательством, — это **ехидство** (такие примеры единичны, но все же они фиксируются): арх. *Но́жик*: «Ножик остёр на язык, вот и Ножиком прозвали»; *Зубáтка*: «Зубоскальная она, как рыба зубатка»; влг. *Жи́вой*: «Он такой ехидный был, скользкий, так Живым звали».

Еще одна группа антропонимов — прозвища, данные по признаку **замкнутости**: костр. *Ле́ший*: «Леший в лесу один жил, поэтому мужика так и прозвали»; арх. *Зало́жка*: «Угрюмый мужик был, неприимчивой

⁹Ср. *халу́й* арх. 'непутевый молодой человек' [КСГРС], костр. 'грязный, неопрятный, неприятный мужчина', 'хулиган' [ЛКТЭ].

¹⁰Ср. *жигáло* костр. 'шило' [ЛКТЭ], влг., арх., олон., юж.-сиб., иркут., томск., урал., самар., ряз., яросл., пск., смол. 'каленное железо (обычно в виде круглого, заостренного с одного конца стержня) для прожигания отверстий и других целей', костр., влг., арх., яросл., твер., пск., новг., ленингр. 'жало пчелы, осы и некоторых других насекомых' [СРНГ 9: 164].

<негостеприимный>. Всегда дверь на заложке <на засове>»; арх. *Стёпнька Кулик*: «На Бору жил один себе»; молчаливости: арх. *Молчэн*: «Слова от него не дождёшься»; арх. *Карась*: «Толстый, тихой — я его Карасём зову»; костр. *Миша Тюба*: «У нас Миша Тюба был, работный человек, только молчит»¹¹. Число таких прозвищ сопоставимо с наименованиями злых людей, что говорит о значимости этой характеристики. Как отмечает Т. В. Леонтьева, «к числу качеств человека, которые часто вербализуются в диалектной лексике, относится <...> социальность личности, т. е. отношение человека к обществу и общению, “настроенность” человека на общество» [Леонтьева 2013: 25]. Необщительность при этом получает негативную оценку, что подтверждается данными лексикологического, контекстного и мотивационного анализа [Там же: 42; 85–88]. Нетрудно показать те же закономерности на ономастическом материале: об этом говорит экспрессивная внутренняя форма многих прозвищ, данных по признаку нелюдимости: костр. *(Веня) Тухлой*: «Тухлой — немного замкнутый, необщительный»; влг. *Ваня Бука*: «Ваня Бука — который с людьми не общался»; костр. *Мутный*: «Никто не знает фамилии этого таксиста, он и есть Мутный. Купил машину и ни с кем не обсуждает, не зря Мутный».

Наконец, среди исследуемых прозвищ присутствует один оним, указывающий на брезгливость: влг. *(Ванька) Рямега*: «Что он брезга такой был, я не знаю точно». Единичная фиксация прозвища брезгливого человека в содержащей более десяти тысяч индивидуальных прозвищ севернорусской картотеке Топонимической экспедиции удивляет — особенно на фоне обилия апеллятивной диалектной лексики, характеризующей это свойство¹². Брезгливость, безусловно, нарушает социальные нормы (к примеру, в ситуации «застольного» контакта хозяина дома и гостя) и может становиться причиной нанесения обиды хозяину (если гость отвергает предложенное кушанье): влг. «Не надо было садиться за стол, чем так передёргиваться. Не больно какая госпожа, чтоб передёргиваться» [СВГ 1: 44]; арх. «Что это ты, щит-то знатные, а мыргаешь <брезгуешь>» [АОС 2: 116]; вят. «Ишь и мёрговать <брезговать> стал деревенской-то едой» [ОСВГ: 6: 73–74]. В то же время эта эмоция вряд ли имеет далеко идущие последствия в плане сложившихся отношений в социуме и распределения ролей. Создание «ярлыка» для человека, единожды проявившего отвращение к тому, что ему предложено, едва ли становится актуальным

¹¹ Ср. костр. *тjóба* ‘неразговорчивый человек’, ‘несообразительный человек’ [ЛКТЭ].

¹² Здесь мы снова отсылаем читателя к нашей работе, одна из глав которой посвящена этому большому лексическому пласту [Малькова 2022а: 24–112].

(тем более что гость и хозяин могут принадлежать разным социумам — в ситуации контакта городского и деревенского жителя; а значит, гость может не входить в круг объектов прозвищной номинации хозяина). Для целей порицания вполне годится набор экспрессивов, характеризующих случайное проявление негативного отношения: брян. «А ты ни грэбъвьй <не брезгуй>, пей мьлако парное, ано палезнье» [СБГ 4: 56–57]; влг. «Ой, какой ты брезговитой <брезгливый>, уж после меня дак и ись не хочешь, а я ведь здоровая» [СВГ 1: 44]; ср.-урал. «Уж больно ты морговита <брезгливая>, чашка веть чиста, еш» [СРГСУ 2: 139].

О некоторых мотивационных моделях прозвищ, указывающих на недоброжелательность их носителя

Выбранные для анализа онимы обнаруживают, подобно апеллятивной лексике со сходными значениями, большое число мотивационных моделей. Здесь нет возможности рассмотреть все модели, но обратим внимание на те, которые в апеллятивной лексике не представлены вообще или же представлены в малом объеме. Речь идет об онимах, мотивированных наименованиями природных явлений и объектов, и об онимах, мотивированных различными прецедентными именами и актуальными для народной культуры образами. Последовательно обратимся к каждой группе слов.

Онимы, мотивированные наименованиями природных явлений и объектов

Безусловно, такая модель присутствует в апеллятивной лексике, характеризующей недоброжелательность, и ниже будут приведены соответствующие примеры. Тем не менее обращает на себя внимание то, что группа прозвищ, реализующих данный код, довольно многочисленна — в отличие от апеллятивной лексики, не так часто прибегающей к «природным» образам.

Большая часть «природных» прозвищ связана с идеей холода. Во-первых, в качестве мотивирующего может выступать наименование зимы: арх. *Зимá*: «Его Зима зовут, он злой, как зима». Во-вторых, мотивационно значимым оказывается обозначение температурных условий: арх. *Морóз*: «Суровый был мужик». В-третьих, онимы могут создаваться на основе наименования атмосферных явлений, свойственных холодному времени года: арх. *Пурга*: «Вспылчивый он был»; арх. *Метéлица*, *Кутерьга́* (ср. арх., влг. *кутерьга́* ‘пурга, метель’ [СГРС 6: 315]): «Мужа её Морóз звали, суровый был мужик. Её Морóзихой назвали — по мужу-то, а потом Метéлицей

стали звать, Кутерьгой»¹³. Присутствуют также онимы, мотивированные наименованиями холодного ветра: арх. *Сіверик*: «Злой человек был, как ветер суровый». Сюда же, вероятно, арх. *Се́вер* (ср. арх. *се́вер* ‘северный ветер’ [КСГРС]): «Еньку Севером звали, а жонку — Северихой, он крутой мужик»; «У меня татко <отец> был крутой, и прозвали его Север, а меня — Севериха»; влг. *Сівер*: «Всем желал зла: пришёл в парикмахерскую, бороду натёр песком — парикмахер четыре раза бритву точил; если дерутся, сам не лезет, а обязательно кол или тупицу подбросит», — хотя нельзя исключать, что в данных случаях прозвища могли происходить от наименования стороны света или же обозначения погодных условий, ср. влг. *сівер* ‘холод’ [КСГРС]. В случае с ветром мотивационно значимым признаком становится, очевидно, не только температура, но и порывистость ветра, его резкость, о чем говорит архангельская номинация *Шелонник* (ср. арх. *шелоник* ‘восточный ветер’, ‘северо-западный ветер’, ‘северный ветер’ [КСГРС]): «Лихой был мужик, как ветер шелонник». У поморов именно *шелонник* считается опасным в открытом море, ср. поморскую поговорку *Шолоник — на море розбойник* [ЖРКП: 164].

Таким образом, в «погодных» прозвищах чаще всего оказывается заложенной идея плохой, суровой погоды, ассоциирующейся с характером человека. Таково созданное при помощи механизма семантической конденсации прозвище арх. *Пого́да*: «Расшумелся, как погода» (ср. арх. *пого́да* ‘непогода, метель и пр.’ [КСГРС]). Еще одно прозвище, которое заслуживает отдельного внимания, — это влг. (Баб.)¹⁴ *Рямега*. Рассматривать его в этой группе позволяет бытующий на смежной территории апеллатив *рямега* ‘иней’ (Выт.) [КСГРС]. Если упомянутые выше «зимние» прозвища принадлежали злым, агрессивным людям и перенос значения происходил на основании идеи суровости, жесткости, то *Рямегой* называли человека брезгливого. В чем причина подобного семантического переноса? Для начала, безусловно, стоит обратиться к апеллативу *рямега*. Просмотр словарей дает нам две фиксации: олн. *рямега* ‘рассеянный человек’ (с вопросом к значению) [СРНГ 35: 351] и ленингр. (Подп.) *рямега* ‘дурак, болван, глупец’ [СРГК 5: 612].

¹³ Несмотря на то что это прозвище не дано напрямую за определенную черту характера, а представляет собой результат одной из популярных моделей именования — по мужу [см. об этом: Борисова 2025: 228–229], все же интересно обратить на него внимание в плане ассоциации: *Морозиха — Метелица — Кутерьга*.

¹⁴ Поскольку в данном случае речь идет о субстратной основе, то для слов данного гнезда мы будем указывать также район.

Относительно происхождения *рямега* ‘иней’ есть несколько версий¹⁵, указывающих на неисконный характер слова, а также на то, что метеорологические значения в данном случае первичны, именно они фиксируются в языках-источниках. В свою очередь, семантика, связанная с характеристикой человека, очевидно, возникла уже в русских диалектах. Таким образом, необходимо искать связи семантики брезгливости и семантики инея. Здесь следует вспомнить апеллятивы влг., киров., костр. *хърмовать* ‘брезговать’ [ЛКТЭ; ОСВГ 11: 220–221], влг. *хърмоветь, хърмать* ‘брезговать’ [КСГРС], костр., влг. *похърмовать* ‘побрезговать’ [ЛКТЭ; КСГРС], киров. *хърмовать* ‘брезговать’ [ОСВГ 11: 245], киров. *хармовитый* ‘брезгливый, чрезмерно разборчивый человек’ [Там же: 221], об этимологии которого мы писали дважды [Малькова 2022а: 87–89; 2022б]. Оставив подробные выкладки в этих двух работах, все же приведем здесь основные тезисы. Как уже было упомянуто в сноске 15, гнездо *харм*- имеет субстратное происхождение, при этом на русской почве родственные лексемы дают также целый ряд метеорологических значений, таких как ‘иней’, ‘изморозь’, ‘снег (на ветвях)’, ‘о холодной / морозной / туманной погоде’, ‘плесень’, ‘лишайник на дереве’, ‘цветущая поверхность воды’. Вероятно, семантика брезгливости, отвращения связана с признаком плохой погоды и сопутствующих ей природных явлений (иней, снег, мороз и пр.). Такой перенос имеет место в русском языке, о чем говорят семантико-мотивационные параллели: вят. *хму́рно* ‘неприятно’, новг. *музга́* ‘брезгливый, излишне разборчивый человек’, *музгли́вый* ‘брезгливый’ ← новг. *музга́* ‘мокрый снег’ [Малькова 2022б: 172].

Если возвращаться к вологодскому прозвищу брезгливого человека *Рямега*, то здесь имеет смысл предположить аналогичный перенос. Очевидно, что это прозвище возникло на русской почве на основе апеллятива *рямега* ‘иней’.

¹⁵Так, И. Н. Суспицына полагает, что это слово является результатом метатезы арх. *ярмега*, зафиксированного в материалах Топонимической экспедиции Уральского университета в том же значении и на той же территории [Суспицына 2000: 65]. *Ярмега* же может происходить из фин. *härnä* ‘иней, пена (пивная)’ в результате отпадения начального *h*- или из какого-то неизвестного прибалтийско-финского языка, в котором начальное *h*- отсутствовало [Там же: 67–68]. Другой вариант — это появление *рямега, рямга* из *рянга* ‘сырой снег; снег с дождем; плохая погода; слякоть’ на русской почве в результате мены сонорных в основе и смещения значений [Там же: 65]. *Рянга*, в свою очередь, восходит к карел. *rändä* ‘мокрый снег’, ср. фин. *räntä* ‘дождь со снегом’, эст. *rända* ‘мокрый снег’, а также вепс. *ränd* ‘сырая погода, слякоть, снег’ [Там же].

С. А. Мызников приводит в своем этимологическом словаре влг. (Выт.) *рямига* ‘иней’, *рямега* ‘иней, изморозь; холод, наполнивший избу’ и предполагает для них метатезу *ярмега* > *рямига* при возможном влиянии саам. *rènn*^e [РДЭС: 701]. В свою очередь, *ярмега* карел. рус., ленингр. ‘иней; иней над притолокой’, карел. рус. ‘иней от дыхания в зимнее время, покрывающий воротник, и пр.’, влг. ‘иней, изморозь; холод, наполнивший избу’, *эрмега* карел. рус. ‘иней на деревьях’ соотносится с гнездом *харма* на прибалтийско-финской почве, при этом бытование лексемы преимущественно в зоне вепсского воздействия позволяет возводить ее к вепсскому источнику [Там же: 964].

В данном случае мотивационно значимой стала идея «неприятной» субстанции, связанной с ней плохой погоды, подобно тому как это происходит в гнезде *харм*.

Завершая разговор о «погодных» прозвищах, следует также сделать наблюдение лингвогеографического характера. Большинство прозвищ, мотивированных наименованиями холодной, морозной, зимней погоды и соответствующих ей природных явлений, зафиксированы в Архангельской области, одно — в Вологодской области, в то время как южнее, в Костромской области, такой модели, кажется, не наблюдается. Нельзя делать однозначные выводы, однако, опираясь на подобное распределение, допускаем существование некоторой территориальной специфики: «климатические» прозвища характерны именно для Русского Севера.

Ряд прозвищ мотивирован обозначениями различных природных объектов. Эти прозвища не образуют однородной группы, подобно той, что была представлена выше. Мотивационно значимым при создании может оказываться признак жесткости, твердости: таково, думается, вологодское прозвище злой женщины (*Марья*) *Дерево* и вологодское прозвище нелюдимого человека *Арсюха Кула*, которое можно связать с влг. *кула* ‘прошлогодняя сухая трава’ [СРНГ 16: 50–51]. Признак неподвижности, неспособности говорить заложен в костр. (*Мишка*) *Валун*: «Замкнутый был, не говорил ничего, вот и назвали». На основе топонима, называющего крутой пережат на реке, создано костромское прозвище *Оганиха*: «Оганиха — пережат резкий, течение быстрое на повороте. Пучки с лесом там заносило. В Плоскове мужик был, звали Оганихой за крутой нрав».

Онимы, мотивированные прецедентными именами и специфичными для народной культуры образами

Еще одна мотивационная модель, которая в большей степени характерна для проприальной номинации человека, нежели для апеллятивной, основана на различных прецедентных именах и специфичных для народной культуры образах. Имена собственные более динамично, чем нарицательные, способны отражать актуальные прецеденты.

В рамках данной модели обращает на себя внимание тот факт, что разные группы прозвищ отсылают к историческим персонажам, связанным сразу с несколькими эпохами.

«Воспоминаниями» о периоде истории до ХХ в. обусловлено возникновение следующих прозвищ:

▪ влг. *Иван Грозный*: «Иван Грозной его звали, сердитой был больно. Он нам косы налопачивал <натачивал>, так мы всё: “Девочки, давайте косить, Иван Грозной идет!”»;

▪ арх. *Кучу́м* (ср. Кучум — татарский хан Сибири, XVI в.): «Здоровый был старик, драться любил, поэтому так прозвали»;

▪ костр. *Купчи́ха*: «У нас тут в Хмелевице Купчиха жила, она собирала молодых девок и заставляла их косить вкруговую, чтобы отдыха не было. Злая она была»;

▪ влг. (*Боря*) *Уря́дник*: «Он ни с кем не общался, богатый был».

История XX и XXI вв. отражается в следующих диалектных прозвищах:

▪ влг. *Вильгём*: «Он очень жадный был, людей не любил, может, потому Вильгем». Возможно, в данном случае прозвище отсылает к Вильгельму II — последнему германскому императору и королю Пруссии в 1888–1918 гг. Он известен своим внешнеполитическим курсом, в особенности действиями во время Первой мировой войны. Согласно Версальскому мирному договору 1919 г., положившему конец этому конфликту, Вильгельм II был объявлен военным преступником и главным виновником развязывания Первой мировой войны. Уже во время войны российская печать (как столичная, так и провинциальная) формировала у читателя мнение о кайзере Германии как о главном виновнике мирового конфликта и человеке жестоком и склонном к самодурству [Пименов 2020: 148–151]. Интересно и то, что немаловажную роль газеты того времени отводили теме чрезмерного богатства и накопительства Вильгельма II [Там же: 154]: носитель вологодского прозвища как раз характеризуется как человек жадный;

▪ арх. *Гитлер*: «Гитлером его мужики звали — злой такой был, что ли»;

▪ костр. *Душма́н*: «Он как-то жёстко относился к людям, вот и прозвали Душман» (ср. *душман* ‘участник вооруженного формирования, сражавшегося в Афганистане против правительства Афганистана и Советской Армии на стороне оппозиции’);

▪ костр. *Омо́н*: «Отлándер <грубый, напористый, воинственный человек>¹⁶ — мужик такой, прёт танком, а то треснет кому. Нападёт первый, никого не боится. Был у нас один отлándер, прозвище было Омон».

Наконец, ряд прозвищ с прозрачной внутренней формой содержит обозначения социальных ролей: костр. *Мона́х*: «Нелюдимый был — его Монахом и прозвали»; костр. *Мона́шка*: «Молилась и ходила всё немытая, вот и назвали Монашка. От людей отдельно всё»; влг. *Архиере́й*: «Он был драчун, так кого ни набьёт, всё простительно. А архиереям в церкви всё простительно»; арх. *Коро́ль*: «Наверно, вредный был мужичонко»; влг. *Алёша Коро́ль*: «Драчун

¹⁶По мнению Е. Л. Березович [2025: 64], это слово восходит к термину военного дела *гандлангер* ‘помощник канонира’.

был»; арх. *Бáнда*: «Дрался всё»; костр. *Майóр*: «Майор вёл себя всегда так сурово»; арх. *Прокурóр*: «Ругался со всеми».

* * *

Итак, при рассмотрении прозвищной антропонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей нами была выделена группа прозвищ, в широком смысле характеризующих недоброжелательность и ее поведенческое выражение. Среди черт личности в онимах закрепляются злость и вспыльчивость. При этом диалектное сознание обращает внимание на следующие особенности поведения: стремление нанести вред, склочность, нелюдимость и брезгливость. Сравнение с апеллятивной лексикой позволяет сделать вывод о причинах закреплённости того или иного признака в ономастическом пространстве языка. Поскольку прозвища, основанные на свойствах характера их носителей, наделяют человека определенным «ярлыком», то в их внутренней форме закрепляются черты личности, влияющие на социальное взаимодействие. Именно поэтому, например, «легкая» неприязненность фактически не получает номинативного воплощения, в то время как злость (как более интенсивная эмоция) или склочность (как поведенческое выражение) регулярно являются источниками для номинации. В то же время не любое поведение может становиться основой прозвища: к примеру, брезгливость, проявляемая зачастую разово и порой приписываемая гостям, приезжим, городским жителям, во внутренней форме прозвищ закрепляется крайне редко.

Мотивационный анализ прозвищ, характеризующих недоброжелательность их носителей, показал значительное сходство моделей семантического развития онимов и апеллятивов, в то же время были отмечены специфические мотивационные модели — от наименований природных явлений, объектов (арх. *Пурга*, *Погода*, *Мороз* и др.) и от прецедентных имен и ярких образов (арх. *Гитлер*, *Кучум*, костр. *Купчиха* и др.). При этом если активность «метеорологического» кода, в частности модели, связывающей идею холода и идею злости, возможно, объясняется лингвогеографическими причинами, то значимость прецедентных имен для прозвищной номинации обусловлена динамичностью системы онимов — и, соответственно, актуальностью для нее тех или иных ярких образов на том или ином историческом этапе.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	ленингр.	ленинградские говоры русского языка
брян.	брянские говоры русского языка	новг.	новгородские говоры русского языка
вепс.	вепсский язык		
влад.	владимирские говоры русского языка	олон.	олонецкие говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	перм.	пермские говоры русского языка
ворон.	воронежские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
		ряз.	рязанские говоры русского языка
		саам.	саамский язык
вят.	вятские говоры русского языка	самар.	самарские говоры русского языка
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	сарат.	саратовские говоры русского языка
иркут.	иркутские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
		ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
карел. рус.	русские говоры Республики Карелия	твер.	тверские говоры русского языка
киров.	кировские говоры русского языка	томск.	томские говоры русского языка
		юж.-сиб.	южно-сибирские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	яроsl.	ярославские говоры русского языка

В названиях административно-территориальных единиц

Баб.	Бабаевский район Вологодской области	Подп.	Подпорожский район Ленинградской области
Выт.	Вытегорский район Вологодской области		

Источники

- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : Наука, 1980—. Вып. 1—.
- ЖРКП — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров : в 12 вып. / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–2018.
- СБГ — Словарь брянских говоров / под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой. Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976—. Вып. 1—.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

- Березович Е. Л. *Поймать остродыма*: об одной лексической загадке русских народных говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 151–170.
- Березович Е. Л. Рус. диал. *отландер*: от «младшего канонира» к «хулигану» // Толока : сб. ст. к 60-летию А. Б. Мороза / ред.-сост.: О. В. Белова [и др.]. М. : РГГУ, 2025. С. 61–75.
- Борисова Е. О. К изучению индивидуальных прозвищ с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036
- Борисова Е. О. Индивидуальные прозвища в костромских говорах: общий мотивологический обзор // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 221–249. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.024
- Едалина А. А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
- Еремينا М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в лексике русских народных говоров: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2003.
- Кузнецова О. А. Лексико-семантическое поле «Гордость»: мотивационно-генетический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. Томск, 2015.
- Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2017.
- Леонтьева Т. В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2013.
- Малькова Я. В. Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения: семантико-мотивационная реконструкция : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2022а.
- Малькова Я. В. К этимологии рус. диал. *хърмовать* ‘брезговать’ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.) / под ред. Е. Л. Березович, О. Д. Суриковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022б. С. 169–174.
- Малькова Я. В. Севернорусские прозвища, характеризующие речь: семантико-мотивационный аспект // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 3. С. 135–146.
- Пименов О. В. Образ Вильгельма II в российских газетах во время военной кампании 1914 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (35). С. 146–159. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/11_35_2020.pdf (дата обращения: 15.09.2025).
- РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

- Суспицына И. Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Хелемендик А. В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля 'ругать(-ся)' в русском языке : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2007.

References

- Berezovich, E. L. (2015). *Poimat' ostrodyma*: ob odnoi leksicheskoi zagadke russkikh narodnykh govorov [Catching Ostrodym: On One Lexical Riddle in Russian Folk Dialects]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 151–170.
- Berezovich, E. L. (2025). Rus. dial. *otlander*: ot "mladshego kanonira" k "khuliganu" [Russ. Dial. *Otlander*: From 'Junior Cannoneer' to 'Hooligan']. In O. V. Belova et al. (Eds.), *Toloka: sbornik statei k 60-letiiu A. B. Moroz* [Toloka: A Collection of Papers for the 60th Anniversary of A. B. Moroz] (pp. 61–75). Moscow: RGGU.
- Borisova, E. O. (2024). K izucheniiu individual'nykh prozvisch s situativnoi motivirovkoj v russkikh narodnykh govorakh [To the Study of Individual Nicknames with Situational Motivation in Russian Folk Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036
- Borisova, E. O. (2025). Individual'nye prozvischa v kostromskikh govorakh: obshchii motivologicheskii obzor [Individual Nicknames in the Kostroma Dialects: A General Motivational Overview]. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 221–249. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.024
- Chelemendik, A. V. (2007). *Geneticheskaja kharakteristika leksiko-semanticheskogo polja 'rugat'(-sia)' v russkom iazyke* [Genetic Characterization of the Lexical-Semantic Field 'Scold' in Russian] (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Edalina, A. A. (2016). *Semantiko-motivatsionnaja organizatsija leksicheskogo mnozhestva "Kachestvennaja kharakteristika cheloveka po otnosheniiu k sobstvennosti" (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Semantic and Motivational Organization of the Lexical Set 'Qualitative Characteristics of a Person in Relation to Property' (Based on Russian Folk Dialects)] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Eremina, M. A. (2003). *Leksiko-semanticheskoe pole "Otnoshenie cheloveka k trudu" v leksike russkikh narodnykh govorov: etnolingvisticheskii aspekt* [The Lexical-Semantic Field 'Human Attitude to Work' in Russian Folk Dialects: An Ethnolinguistic Perspective] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Kuchko, V. S. (2017). *Semantiko-motivatsionnoe pole "Lozh', obman" v iazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [The Semantic and Motivational Field 'Lie, Deception' in Russian Folk Dialects] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Kuznetsova, O. A. (2015). *Leksiko-semanticheskoe pole "Gordost'": motivatsionno-geneticheskii aspekt* [The Lexical-Semantic Field 'Pride': A Motivational and Genetic Perspective] (Doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk.
- Leontyeva, T. V. (2013). *Leksika sotsial'noi reguljatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Vocabulary of Social Regulation in Russian Folk Dialects]. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU.
- Malkova, Ya. V. (2022a). *Russkaja dialektnaja leksika so znacheniem neprijatija, otzheniia: semantiko-motivatsionnaja rekonstruktsija* [Russian Dialect Vocabulary Denoting Rejection and Aversion: A Semantic and Motivational Reconstruction] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Malkova, Ya. V. (2022b). K etimologii rus. dial. *khármovat'* 'brezgovat' [On the Etymology of Russ. Dial. *khármovat'* 'to be squeamish']. In E. L. Berezovich, & O. D. Surikova (Eds.),

- Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 7–11 sentyabrya 2022 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 5th International Conference (Ekaterinburg, 7–11 September 2022)] (pp. 169–174). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Malkova, Ya. V. (2023). Severnorusskie prozvischa, kharakterizuiushchie rech': semantiko-motivatsionnyi aspekt [Northern Russian Nicknames Characterizing Speech: A Semantic and Motivational Perspective]. *Filologicheskii klass*, 28(3), 135–146.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary: Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pimenov, O. V. (2020). Obraz Vil'gel'ma II v rossiiskikh gazetakh vo vremia voennoi kampanii 1914 goda [The Image of Wilhelm II in Russian Newspapers during the 1914 Military Campaign]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 146–159. Retrieved from http://vestospu.ru/archive/2020/articles/11_35_2020.pdf
- Suspitsyna, I. N. (2000). *Meteorologicheskaya leksika v govorakh Russkogo Severa* [Meteorological Vocabulary in the Dialects of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.